

ОБРАЗ В ТАНЦЕ

Вряд ли найдется в Грузии человек, который при упоминании о танце «Картули» не вспомнил бы тотчас о замечательном грузинском танцовщике Вахтанге Гунашвили, от которого танец просто неотъемлем. Беру на себя смелость утверждать, что «Картули» придумали неисправимые романтики, для которых любовь воплощала поэзию, а преклонение перед женщиной — ее высший смысл. Вахтанг Гунашвили оказался еще большим романтиком, сумевшим возвысить этот замечательный танец до удивительного, и — я бы сказала, — неповторимого синтеза силы и покорности, мужества и нежности, темперамента и сдержанности, непосредственности и почтительности.

Вспомните, как легко и стремительно вылетает он на сцену, как ловко, подобно орлу, взвивается в прыжке, как мужественно его поступь, элегантно движения, как изыскан и благороден он в коде. Танцующий рыцарь, готовый принести к ногам дамы и сердце, и силу, и жизнь! Таков заслуженный артист Грузинской ССР Вахтанг Гунашвили в «Картули», с которым он (вместе со своей замечательной партнершей Аллой Двали) объездил около 25-ти стран мира и всюду заставлял людей стоя аплодировать этому самому прекрасному и самому грузинскому танцу.

Рассказ о Вахтанге Гунашви-

ли — солисте балета Тбилисского оперного театра я сознательно начала с танца «Картули», потому что в нем наиболее ярко сфокусировались самобытный талант, пылающий темперамент и мужественная грация, свойственные артисту.

— Танцором я ощущал себя всегда, с раннего детства, ну а с «Картули» — мне кажется — я просто родился, — говорит Вахтанг Гунашвили, и это правда. Правда, что он танцевал всегда, сколько себя помнит; правда и то, что всего 10-летним мальчиком стал победителем первой Республиканской олимпиады художественной самодеятельности школьников, оказавшись лучшим исполнителем танцев «Картули» и «Мтиулири» (он посещал тогда хореографический кружок в клубе пионеров Калининского района); но правда и то, что увлеченность народными танцами длилась лишь до того, как юноша увидел первый балетный спектакль. Это был балет Г. Киладзе «Синатле» с участием Вахтанга Чабукиани. С него и началась беспредельная влюбленность в классическую хореографию, без которой — понимал Вахтанг — дорога в искусство заказана. О мере этой влюбленности легко судить хотя бы потому, что 20-летний юноша, почти инженер (он был студентом IV курса Института инженеров железнодорожного транспорта) нашел в себе достаточно воли и мужества, чтобы стать к

станку и начать с балетных азов, с которых обычно начинают дети.

Четыре года проучился будущий артист в экспериментальном классе балетной студии оперного театра у Серафимы Георгиевны Векуа. Четыре долгих и томительных года. И вот, наконец, первая роль — Рамаз в том же балете «Синатле». Молодому танцовщику повезло: он попал в театр в сороковые годы — в период подъема и расцвета грузинского балета и это наложило свой отпечаток на всю его творческую жизнь. Сам Вахтанг Гунашвили свои успехи и победы связывает с именем народного артиста СССР Вахтанга Чабукиани, под руководством которого работает все эти годы и у которого он так талантливо учится, начиная с той первой партии в «Синатле», где он выступил партнером Чабукиани.

Первая большая победа пришла к артисту чуть позже, когда он исполнил главную партию в балете А. Баланчивадзе «Сердце гор», создав мужественный образ охотника Джарджи. А вслед за ней еще более трудный экзамен на зрелость — сложная ведущая партия в классическом балете П. Чайковского «Щелкунчик». С тех пор прошло немало лет, наполненных трудом и творческим горением. От танца к танцу, от роли к роли росло мастерство молодого артиста, оттачивалась техника, все легче становился прыжок, совершеннее движения. Но главное не в овладении сложным и многообразным техническим арсеналом танца, а в том, что

весь этот арсенал артист сумел поставить на службу одной единственной цели — раскрытию образа. Танец — пусть даже по-гунашвилески мужественно прекрасный, — не является для артиста самоцелью, а служит средством, с помощью которого он рассказывает языком пластики о человеке, его судьбе, его жизни, добре и зле. Такова созданная им богатая галерея образов, начиная с незначительных на первый взгляд Вацлава в «Бахчисарайском фонтане» или Сатире в «Вальпургиевой ночи», и кончая сложными, воллющающими в себе богатый спектр эмоций, Яго в «Отелло» или Клавдием в недавней постановке балета «Гамлет». Но что бы ни танцевал Гунашвили — веселого и жизнерадостного Базиля («Дон-Кихот»), коварно-элегантного Яго или мятежного Демона («Демон»), искусство его всегда отмечено неординарной мужественной грацией, отличающей, как правило, лучших представителей грузинского балета, а мысль предельно ясна и доходчива.

Есть еще одна сторона в творчестве Гунашвили, не заметная для зрителей, но весьма существенная для него самого: взволнованность всем, что имеет отношение к искус-

ству. Волнуется он перед каждым выходом на сцену, волнуется, приступая к работе над любой новой партией. Волнуется и ищет, каждый раз начиная все сначала, ибо в искусстве — он знает — не может быть конца.

Н. НАЦВАЛАДЗЕ.

НА СНИМКЕ: В. Гунашвили в роли Яго («Отелло»).